

полития

А.И.Миллер

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ: ГОД РАЗРУШЕННЫХ НАДЕЖД¹

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, украинский кризис, диалог общества и власти

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ № 13-0300553а.

² Миллер [Miller] 2013.

Ровно год назад в журнале «Полития» была опубликована моя статья о роли экспертных сообществ в политике памяти в России². На тот момент мне представлялось, что по целому ряду вопросов, связанных с политикой памяти, профессиональные историки и общественные организации, занимающиеся данной проблематикой, вне зависимости от их политических убеждений, могут взаимодействовать с властью в режиме диалога и даже сотрудничества.

Это касалось, в частности, центральной темы политики памяти последних лет, а именно учебников истории. Инициировав в 2013 г. очередной раунд пересмотра подхода к преподаванию истории в школе, власти действовали через официальное Российское историческое общество. При всем том организаторы обсуждения «единого историко-культурного стандарта» старались подчеркнуть открытость этого процесса и действительно учли существенную часть критических замечаний. А главное, было заявлено, что вместо планировавшегося изначально единого учебника будет объявлен конкурс на подготовку учебников на основе нового стандарта.

Состоявшийся 23 ноября 2013 г. в рамках общероссийского Гражданского форума круглый стол о проблемах исторической памяти и преподавания истории был в значительной мере посвящен тому, каким образом следует участвовать в конкурсе на новые учебники, чтобы составить конкуренцию проектам, которые будут готовиться по заказу власти под эгидой Российского исторического общества. Были даже намечены возможные авторы конкурсных проектов, обсуждался вопрос о том, как добиться включения независимых представителей исторического цеха в комиссию, которая будет подводить итоги конкурса. Разумеется, высказывалось и мнение, что участие в конкурсе и вообще взаимодействие с властью в данной сфере не имеет смысла, однако подобная позиция не была в тот момент доминирующей. Не испытывая особых иллюзий насчет готовности власти к сотрудничеству, большинство тем не менее считало, что раз окно возможностей для такого взаимодействия властью оставлено, то им нужно воспользоваться и хотя бы проверить, что будет дальше.

Власть, со своей стороны, продолжала посылать «приглашающие» сигналы. Так, еще в январе 2014 г., встречаясь с разработчиками стандарта, Владимир Путин заявил, что работа по формированию новой

³ *Встреча
[Vstrecha] 2014.*

линейки учебников «должна строиться максимально открыто. Здесь не должно быть какого бы то ни было монополизма»³.

Другая сфера, где взаимодействие власти и общества выглядело весьма перспективным, — это увековечивание памяти жертв политических репрессий. В течение нескольких лет под патронажем Совета по правам человека при президенте РФ и Совета по внешней и оборонной политике велась подготовка соответствующей программы. В ходе этой работы плодотворно сотрудничали представители и властных структур, и либеральной части политического истеблишмента, и «Мемориала», и РПЦ, то есть взаимодействие шло поверх традиционных разделительных линий в нашем обществе. В результате была подготовлена весьма обширная программа, которая прошла целый ряд согласований в различных ведомствах и, казалось, вот-вот будет официально принята. В июле 2013 г. в РИА «Новости» даже состоялась презентация проекта федеральной программы «Об увековечивании памяти жертв политических репрессий». В ней участвовал советник министра культуры Александр Протасевич, имевший немалый опыт работы в этой сфере в качестве министра культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края, известного своим музеем «Пермь-36». Ему предстояло курировать эту программу от министерства⁴.

⁴ <http://slon.ru/calendar/event/958165/>.

В январе 2014 г. в Фейсбуке возникла группа «Историки России — проблемы самоорганизации», в которой довольно энергично обсуждались способы организации профессионального сообщества, что свидетельствовало, в частности, о том, что в глазах многих историков созданное под эгидой власти Российское историческое общество этой задачи не решило. Вместе с тем, когда в рамках дискуссии я высказал предположение, что одной из целей данной работы должно стать образование ассоциации, которая дала бы историкам корпоративный голос при обсуждении важных проблем политики памяти, отличный от голоса контролируемого властью РИО, эта позиция не нашла поддержки большинства. Многие полагали, что следует сосредоточиться на сугубо цеховых вопросах экспертизы, борьбы с плагиатом и т.д.

В это же время, независимо от группы в Фейсбуке, шла работа по созданию Вольного исторического общества. Все ее участники поддерживали идею учреждения организации, активно участвующей в обсуждении проблем преподавания истории и политики памяти. Здесь разделение проходило скорее между меньшинством, которое понимало задачи ВИО как во многом сходные с задачами «Мемориала» и ожидало, что Вольное историческое общество будет высказывать свою позицию по текущим политическим вопросам, и большинством, считавшим, что ВИО должно быть более сдержанным и нейтральным в своих публичных выступлениях⁵.

⁵ *В России
[V Rossii] 2014.*

Эти организационные инициативы, безусловно, уходили корнями в тот недолгий период 2013 г., когда перспективы относительно открытого и конструктивного диалога по вопросам политики памяти выглядели обнадеживающими. В сентябре 2014 г., когда готовилась эта статья,

от осторожных надежд осени прошлого года не осталось и следа. Ниже я попытаюсь проанализировать те события и обстоятельства, которые привели нас к ситуации, когда зарождавшиеся площадки и формы диалога и сотрудничества в сфере исторического сознания были разрушены и политика памяти оказалась в самом глубоком кризисе за всю историю постсоветской России.

* * *

Ключевым фактором, обусловившим изменения в России в 2014 г., был кризис вокруг Украины, постепенно переросший в кризис отношений РФ с США и ЕС. Его хронологию стоит напомнить, потому что она имеет прямое касательство к рассматриваемым событиям. 21 ноября 2013 г. правительство Николая Азарова объявило о приостановке подготовки к подписанию соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Протесты против этого решения продолжались на Майдане до конца ноября, постепенно теряя в численности. 30 ноября конфликт получил новое дыхание в результате силового разгона нескольких сотен протестующих, оставшихся к тому времени на Майдане. Радикальность протеста возросла, начались захваты общественных зданий в Киеве. После принятия 16 января пакета законов об ужесточении ответственности за несанкционированные публичные акции противостояние стало приобретать силовой характер. 22 января появились сообщения о первых погибших. 18—20 февраля произошла резкая эскалация насилия, от снайперского огня в Киеве погибло более 70 человек. 21 февраля под патронажем министров иностранных дел Франции, Германии и Польши и в присутствии представителя президента России Владимира Лукина между президентом Виктором Януковичем и оппозицией было заключено соглашение о прекращении насилия и реформировании власти. Однако оно не продержалось и дня. 22 февраля Янукович бежал из Киева. В конце февраля начались события в Крыму, приведшие к референдуму 16 марта и последующему вхождению Крыма в состав России. Таким образом, именно в конце февраля — первой половине марта Россия и Запад вступили в фазу открытой конфронтации на Украине.

Дата крымского референдума передвигалась дважды в течение недели, менялись и формулировки выносимых на него вопросов. Это свидетельствует о том, что действия Кремля в тот момент во многом являлись импровизацией и ситуация воспринималась им как в высокой степени рискованная. Резкое ужесточение контроля над публичной сферой было представлено как ответ на необходимость консолидации перед лицом внешнего вызова. Слова о «пятой колонне» в, казалось бы, триумфальной речи Путина перед Федеральным Собранием о принятии Крыма в состав РФ⁶ стали вехой в развитии общественной атмосферы современной России. Образ «пятой колонны» превращал инакомыслие в акт национального предательства. Вскоре оказалось, что большой сегмент общества видит в данной установке не временную предосторож-

⁶ *Внеочередное послание [Vneochednoe poslanie] 2014.*

ность в кризисной ситуации, а новый курс и готов наполнить его соответствующим содержанием. Эти изменения в полной мере проявились в сфере политики памяти.

В конце января 2014 г. произошел скандал, связанный с опросом телеканала «Дождь», приуроченным к 70-летию освобождения Ленинграда от блокады. Вопрос «Надо ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» провисел на сайте канала примерно три часа, после чего был снят главным редактором. Вместе с тем «Дело „Дождя“» вряд ли стоит толковать как переломный момент в исторической политике властей. Скорее, неудачно сформулированный вопрос⁷ был использован как долгожданный повод для вытеснения канала из кабельных сетей. Показательно, что журнал «Дилетант», который и проводил опрос в рамках программы «Дилетанты на Дожде», никак не пострадал.

⁷ В адекватной формулировке он должен был бы звучать так: «Считаете ли Вы, что сдача Ленинграда немцам могла предотвратить массовую гибель горожан от голода?».

Переломными стали весенние месяцы 2014 г., когда власти последовательно совершили ряд шагов, кардинально изменивших ситуацию с политикой памяти в России. 4 марта стало известно об увольнении из МГИМО(У) профессора Андрея Зубова, который 1 марта опубликовал в «Ведомостях» статью «Это уже было», где утверждал, что аннексия Крыма мало чем отличается от аннексии Австрии в 1938 г.⁸ Впоследствии данное решение несколько раз откладывалось по разным юридическим причинам, но летом 2014 г. контракт МГИМО(У) с Зубовым не был продлен. В этой истории особенно важны два обстоятельства. Во-первых, отдавая отчет в скандальности ситуации, руководство МГИМО(У) всячески старалось избежать демонстративного увольнения, но репутационные издержки уже не принимались в расчет. По замыслу инициаторов увольнения, оно должно было стать акцией устрашения, демонстрацией того, что цена оппозиционного высказывания резко повышается. Во-вторых, в средствах массовой информации появилась масса выступлений в поддержку увольнения Зубова. За прошедшее с тех пор время мы могли убедиться, что запущенный тогда механизм лишь отлаживался и набирал силу. Свидетельство тому — беспрецедентная (в постсоветской России) по своим масштабам травля Андрея Макаревича, в которой «общественная инициатива» играет важнейшую роль.

⁸ Зубов [Zubov] 2014.

NB! Очевидно, что в случае с Зубовым каралась именно оппозиционность высказывания, а не легковесность тех или иных суждений по поводу исторических событий. Отвечавший Зубову в «Известиях» Андраник Мигранян вполне безнаказанно написал в своей статье совершенно чудовищные с точки зрения любого грамотного историка вещи, утверждая, в частности, что если бы Гитлер остановился в 1938 г., он вошел бы в историю как великий немецкий политик⁹. Между тем в послужном списке Гитлера к 1938 г. уже были и «Майн Кампф», и Нюрнбергские законы.

⁹ Мигранян [Migranjan] 2014.

¹⁰ *О проблемах
[O problemakh]
2014.*

В начале апреля 2014 г. вышел в свет доклад Центра политической информации «О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях»¹⁰, дававший образец дискурсивной стратегии, а также набор понятий и терминов, которыми теперь считалось возможным пользоваться в исторической политике. По стилистике этот текст был близок к «разоблачительным» текстам конца 1940-х — начала 1950-х годов. История представлялась в нем как поле битвы и идеологических диверсий, главным образом со стороны Запада. Приведу цитату, отчетливо демонстрирующую и стилистику, и понятийный аппарат авторов:

«Результаты анализа учебной литературы, используемой в процессе преподавания отечественной истории, позволяют сделать вывод о том, что наиболее распространенные интерпретации исторических событий подспудно убеждают учащихся в закономерном распаде нашей страны в будущем, что якобы позволит „угнетаемым народам“ обрести независимость. Таким образом, история как учебная дисциплина утратила воспитательную функцию. Отказ от научных положений об активном характере развития российского государства-цивилизации, искусственное разделение многонационального народа России на славян-„угнетателей“ и „порабощенные“ ими народы, а также изъятие позитивных примеров из общего исторического наследия с одновременной героизацией сомнительных личностей не позволяют обеспечить воспроизводство традиционных для российского общества ценностей»¹¹. Доклад призывал к солидарной деятельности «органов государственной власти и патриотически ориентированной научной общественности» по консолидации нации.

¹¹ *Там же: 3.*

Очевидно, что в рамках такой трактовки пространства для диалога с оппонентами уже нет, как нет и проблемы критического осмысления той трагедии, которая произошла с Россией в XX в. Зато утверждаются «традиционные ценности» и самодостаточность «государства-цивилизации». Все четче обозначается новый виток исторической политики государства — с фокусом на «цивилизационной самодостаточности», на сугубо положительных героях и страницах истории, с пониманием воспитательной функции истории в духе бенкендорфовой формулы: «Прошлое России было блестяще, ее настоящее более чем великолепно, а что касается ее будущего, оно превосходит все, что может представить человеческое воображение»¹².

¹² *Цит. по:
Жихарев
[Zhikharev] 1989:
105.*

Позднее, уже в августе 2014 г., с созвучным по пафосу заявлением выступил патриарх РПЦ Кирилл, выразивший надежду на то, что «единая концепция школьного учебника истории поможет молодежи победить „синдром исторического мазохизма“, который воспитывали в школах в 90-е годы»¹³. Это заявление вполне адекватно отражает подход Кирилла к проблеме памяти, который радикально отличается от подхода его предшественника, Алексия II. Алексей считал беды, обрушившиеся на Россию в прошлом столетии, карой за царевубийство и полагал, что грех этот еще не отмолен, то есть что русский опыт XX в. должен остаться предметом осмысления и покаяния. Кирилл же убеж-

¹³ *Патриарх Кирилл
[Patriarkh Kirill] 2014.*

¹⁴ *Суслов [Suslov] 2013.*

ден, что Россия свой грех уже искупила¹⁴. Отсюда и рассуждения о «синдроме исторического мазохизма».

Но вернемся в весну 2014 г. Инициативы по подготовке законов, регулирующих высказывания о прошлом, неоднократно выдвигались «Единой Россией» начиная с 2009 г., со времен печально известной Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории при Президенте РФ, но «застревали» на разных стадиях законодательного процесса. Именно весной 2014 г. им был открыт «зеленый коридор». Закон, предложенный депутаткой от «Единой России» Ириной Яровой и вводящий в УК новую статью 354.1 (реабилитация нацизма), 4 апреля был принят в первом чтении, 23 апреля — сразу во втором и третьем чтениях, 29 апреля одобрен Светом Федерации и 5 мая, ровно через месяц после начала процедуры, подписан президентом. В частности, новая статья предусматривает уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», то есть использует ту самую формулировку, на основании которой в советскую эпоху отправляли в лагеря инакомыслящих¹⁵.

¹⁵ *Подробный критический анализ законодательной новеллы см. Вольное историческое общество [Vol'noe istoricheskoe obshhestvo] 2014.*

В это же время под угрозой оказался знаменитый музей «Пермь-36», организованный в одном из таких лагерей и активно работавший многие годы. Переговоры создателей музея и администрации Пермского края о принципах общественно-государственного партнерства продвигались достаточно успешно, пока весной 2014 г. администрацией не были приняты решения, парализовавшие работу музея. И в этом случае, как и в истории с увольнением Зубова, вполне очевидно, что импульс, заставивший поменять курс, исходил от высших эшелонов власти¹⁶.

¹⁶ *Подробнее см. Заявление [Zajavlenie] 2014.*

Наконец, в мае 2014 г. министр культуры Владимир Мединский пришел к заключению, что принятие программы по увековечиванию памяти жертв политических репрессий нецелесообразно, о чем официально объявил в июне¹⁷. Характерна реакция на это заявление Сергея Пархоменко, одного из организаторов общественной инициативы «Последний адрес»: «И на самом деле, это очень правильное развитие событий: нечего нам рассчитывать на эту прачечную и на все это лживое и подлое государство — со всеми его программами, со всеми его лицемерными президентскими намерениями, со всеми его надменными министерскими решениями, со всеми его тухлыми обещаниями и с вечным его трусливым кидаловом. Самим нужно это дело делать. Своими силами: потому что силы только у нас и есть. Вот поэтому никто и ничто не заменит такие замыслы и проекты, как Последний адрес. И эту идею нам обязательно нужно развивать дальше»¹⁸. Проект «Последний адрес», в соответствии с которым на домах, откуда в сталинские времена уводили арестованных, должны быть установлены мемориальные доски¹⁹, — инициатива действительно очень полезная и благородная. Но согласиться с Пархоменко в том, что нынешнее развитие событий правильно, затруднительно. Именно в рамках подготовки федераль-

¹⁷ *Сохранение [Sokhranenie] 2014.*

¹⁸ <https://www.facebook.com/serguei.parkhomenko/posts/10204005487726969>.

¹⁹ <https://www.facebook.com/poslednyadres>.

ной программы шел непростой процесс налаживания сотрудничества и взаимопонимания между представителями разных политических и общественных сил, включая государственные структуры и РПЦ. Можно только сожалеть, что весной 2014 г. все эти усилия закончились саботажом федеральной программы и деятельности «Перми-36» со стороны администрации, рассуждениями патриарха об «историческом мазохизме» и стоическими заверениями «непримиримого либерала» Пархоменко, что «так даже лучше».

За весенние месяцы 2014 г. власти нарушили несколько соблюдавшихся прежде табу: начались увольнения с работы за высказывания, был легитимирован дискурс о «пятой колонне» и национал-предателях и принят закон, криминализирующий высказывания о прошлом. Шанс на развитие взаимоуважительного диалога о политике памяти, обозначившийся в 2013 г., был потерян. В конце мая в духе, сходном с реакцией Пархоменко, группа историков выступила с призывом к коллегам бойкотировать конкурс на написание школьных учебников истории²⁰. Большинство учредителей Вольного исторического общества, которому было предложено поддержать это обращение, с ним не согласилось. Вместе с тем, когда в том же мае, еще до объявления об отмене программы увековечивания памяти жертв репрессий, автор этой статьи предложил все равно представить на конкурс проект учебника, он остался в ВИО в полном одиночестве. Впрочем, двумя неделями позже, после оглашения решения Мединского о федеральной программе, я бы и сам не стал выступать с таким предложением. Сейчас ВИО обсуждает возможность разработки альтернативного учебника и его публикации в интернете. Другими словами, вместо масштабной, вовлекающей разные сегменты общества федеральной программы мы остались с «Последним адресом», а вместо открытого конкурса на учебники — с перспективой получить «единый» учебник о цивилизационной самодостаточности России и альтернативные учебники в Сети.

В сфере международных отношений мы снова вступаем в период конфронтационной исторической политики, казалось бы оставшейся в прошлом после 2010 г.²¹ Именно таким образом можно интерпретировать недавнюю инициативу Мединского об установлении в Кракове памятника красноармейцам, погибшим в польском плену в начале 1920-х годов. Задача — получить аргумент против инициатив польской стороны в вопросах создания памятников в Катюни²².

Впрочем, это еще не все плохие новости. В марте 2014 г. в «Мемориале» проходил семинар под названием «Власть и общество в борьбе за прошлое России: независимые историки и современная историческая политика власти». Постановка проблемы, к сожалению, не соответствует реальности. Общество в большинстве своем находится в этом споре на стороне власти. И такая ситуация не есть нечто уникально российское. Первым возможности антилиберальной мобилизации гражданского общества в сфере политики памяти продемонстрировал венгерский премьер-министр Виктор Орбан. Значительная часть

²⁰ Обращение [Obrashhenie] 2014.

²¹ Миллер [Miller] 2012.

²² http://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114871,16772766,Rosjanie_chca_w_Krakowie_pomnika_zameczonych_w_polskich.html#BoxSlotI3img#BoxWiadTxt

населения Венгрии поддерживает Орбана и возглавляемую им партию «Фидеш», причем поддерживает именно как гражданское общество, с массовой низовой инициативой. Существенную роль в активности проорбановского гражданского общества играет политика памяти. По всей Венгрии как местные инициативы возникли «музеи Трианона». Апелляция к теме Трианона, несправедливому разделению венгров по решению европейских политиков после Первой мировой войны, стала важной составляющей венгерской политики памяти, удачно резонируя с напряженными отношениями орбановской Венгрии с истеблишментом ЕС. Другой значимый мотив этой политики — реабилитация Миклоша Хорти как сильного лидера, павшего жертвой Гитлера. Апофеоз этой политики — возведение в центре Будапешта мемориала в память о нацистской оккупации страны, который фиксирует новую интерпретацию Венгрии исключительно как жертвы во Второй мировой войне. Показательно, что эти черты венгерской политики памяти ни разу не подвергались критике со стороны официальных российских политиков, уделяющих так много внимания реабилитации нацизма в Прибалтике и на Украине.

Весьма вероятно, что в исторической перспективе 2014 г. станет восприниматься как начало достаточно длительного процесса мобилизации гражданского общества не просто на антилиберальной, но на не-критично националистической платформе.

Библиография

В России создано Вольное историческое общество. 2014 // *Полит.ру*. 28.02 [V Rossii sozdano Vol'noe istoricheskoe obshhestvo. 2014] // *Polit.ru*. 28.02] (<http://polit.ru/news/2014/02/28/vio/>).

Внеочередное послание Владимира Путина Федеральному собранию. 2014 [Vneocherednoe poslanie Vladimira Putina Federal'nomu sobraniju. 2014] (<http://ulpressa.ru/2014/03/18/segodnya-v-15-00-pryamoyefir-otchet-pavla-degtyarya-i-ekaterinyi-ubyi-pered-zso-a-takzhe-poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu/>).

Вольное историческое общество выступило против закона о «реабилитации нацизма». 2014 // *Полит.ру*. 28.04 [Vol'noe istoricheskoe obshhestvo vystupilo protiv zakona o «reabilitacii nacizma». 2014 // *Polit.ru*. 28.04] (http://polit.ru/news/2014/04/28/vio_against_zapreta_na_istor_poisk/).

Встреча с авторами концепции нового учебника истории. 2014 [Vstrecha s avtorami koncepcii novogo uchebnika istorii. 2014] (<http://www.kremlin.ru/news/20071>).

Жихарев М.И. 1989. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // *Русское общество 1830-х годов: Люди и идеи*. — М. [Zhikharev M.I. 1989. Dokladnaja zapiska potomstvu o Petre Jakovleviche Chaadaeve // *Russkoe obshhestvo 1830-kh godov: Ljudi i idei*. — М.].

Заявление Координационного совета Гражданского форума ЕС-Россия о сохранении музея «Пермь-36». 2014 [Zajavlenie Koordina-

cionnogo sojeta Grazhdanskogo foruma ES-Rossija o sokhranenii muzeja «Perm'-36». 2014] (<http://www.president-sovet.ru/news/6819/>).

Зубов А. 2014. Это уже было // *Ведомости*. 1.03 [Zubov A. 2014. Ehto uzhe bylo // *Vedomosti*. 1.03] (<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/23467291/andrej-zubov-eto-uzhe-bylo>).

Мигранян А. 2014. Наши Передоновы // *Известия*. 3.04 [Migranjan A. 2014. Nashi Peredonovy // *Izvestija*. 3.04] (<http://izvestia.ru/news/568603>).

Миллер А. 2012. Введение: Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Миллер А., Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. — М. [Miller A. 2012. Vvedenie: Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. // Miller A., Lipman M. (red.) *Istoricheskaja politika v XXI veke*. — М.].

Миллер А.И. 2013. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *Полития*. № 4 [Miller A.I. 2013. Rol' ehkspertnykh soobshhestv v politike pamjati v Rossii // *Politeia*. № 4].

О проблемах преподавания истории в российских учебных заведениях. 2014. — М. [O problemakh prepodavanija istorii v rossijskikh uchebnykh zavedenijakh. 2014. — М.] (http://polit-info.ru/images/data/gallery/0_9440__istorii_03-2014.pdf).

Обращение к историкам — авторам школьных учебников. 2014 // *Полит.ру*. 22.05 [Obrashhenie k istorikam — avtoram shkol'nykh uchebnikov. 2014 // *Polit.ru*. 22.05] (<http://polit.ru/article/2014/05/22/history/>).

Патриарх Кирилл: единый учебник истории поможет преодолеть «исторический мазохизм». 2014 [Patriarkh Kirill: edinyj uchebnik istorii pomozhet preodolet' «istoricheskij mazokhizm». 2014] (<http://itar-tass.com/obschestvo/1410442>).

Сохранение памяти о жертвах ГУЛАГа могут признать формальностью, ведущей к неоправданным бюджетным тратам. 2014 [Sokhranenie pamjati o zhertvakh GULAGa mogut priznat' formal'nost'ju, vedushhejj k neopravdannym bjudzhetnym tratam. 2014] (<http://www.newsru.com/russia/27jun2014/gulag.html>).

Суслов М.Д. 2013. Прошлое и будущее в историческом воображении современной Русской православной церкви // *Прошлый век*. — М. [Suslov M.D. 2013. Proshloe i budushhee v istoricheskom voobrazhenii sovremennoj Russkojj pravoslavnojj cerkvi // *Proshlyj vek*. — М.].